

На правах рукописи

Шаравьёва Ирина Викторовна

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ЗНАКОВ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Специальность 10.02.19 – теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ – 2017

Работа выполнена на кафедре востоковедения и регионоведения АТР
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Научный руководитель: Готлиб Олег Маркович
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: Хахалова Светлана Алексеевна
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
медицинский университет», профессор кафедры
иностраных языков с курсами латинского
языка и русского как иностранного

Трофимова Ульяна Михайловна
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет им.
В.М. Шукшина», научный сотрудник научно-
исследовательского управления

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Защита состоится «29» июня 2017 г. в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.022.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» по адресу: 670000, г.
Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Бурятский государственный университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул.
Ранжурова 8, ч/з диссертаций ауд. 8307 и на сайте организации www.bsu.ru

Автореферат разослан « » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Зырянова Е.В.

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена рассмотрению оснований системы письменных идеографических знаков с точки зрения элементов, структурирующих систему, в семиотическом подходе к анализу. Лингвосемиотика, являясь фундаментальной базой для исследования языка как феномена и для изучения конкретных естественных языков, создаёт необходимые методологические условия для определения минимальных значимых единиц структуры письменности языка, своеобразие которого связано с идиоэтническим фактором идеографического письма.

В ходе развития лингвосемиотики, ключевыми понятиями которой являются понятия знака, системы и структуры, разрабатывается вопрос об их взаимообусловленности и характере соотношения плана содержания и плана выражения знака. Дискуссионность вопроса проистекает из того факта, что анализ внешней формы знака не позволяет в полной мере выявить план его содержания. Решение данного вопроса с позиции семиотического структурного подхода связано с введением понятия «сема», углублением лексико-семантического анализа и возведением плана содержания знака к более глубинному уровню [Скаличка, 1967]. В работах Л. Ельмслева обосновывается положение о том, что знаковая единица как таковая конституируется на глубинном структурном уровне построения знака [Ельмслев, 2006].

Обоснование в рамках установочных принципов семиотики и на основе структурного метода положений о глубинном уровне плана содержания и наличии структурного уровня построения целостного знака, вносит методологический вклад в ранее зародившуюся традицию философии и языкознания, обращенную к фундаментальным проблемам взаимодействия сознания, мышления, языка, культуры в русле рационалистического и универсалистского подходов и активно развивающуюся в современной лингвистике в различных теоретических моделях.

В накопленном опыте определения глубинных, неразложимых далее автономных ядерных смыслов в языке [Хомский, 2010, Апресян, 1995] и положения о системно-структурной обусловленности характеристик знака утверждается тенденция установления единиц-«примитивов» [Вежбицкая, 2011], распространяющаяся также и на материал языков с идеографическим типом письменности [Готлиб, 2006].

Обращение к языкам, имеющим иную структуру и иной тип письменности, нежели языки с фонетическим типом семиотизации, актуализирует проблему письменности как особого способа означивания и обозначения смысла [Деррида, 2000] и выявляет сложность единиц плана выражения на морфемном уровне, а также необходимость дальнейшего анализа для установления искомых предельных единиц плана содержания.

Значимым в этой связи становится решение данной проблемы с учётом статуса письменного знака в языках с идеографическим типом письма с точки зрения установления конститутивных единиц знака и выявления оснований структурирования целостной системы данного типа.

Учет идиоэтнического фактора типа письменности в определении своеобразия структуры языка является объектом исследования в грамматологии. Грамматология традиционно понимается как семиотическая дисциплина, наука о письме, устанавливающая статус письменности.

Наиболее репрезентативным с точки зрения идеографической системы письменности является китайский язык, обладающий структурой письма, значимыми единицами которого выступают логограммы и морфограммы. Абсолютное большинство логограмм в современном языке рассматриваются как сложные знаки, внутри которых можно последовательно выделить значимые составляющие, которые формируют значение логограммы по определенным правилам. Их можно обозначить как морфограммы – значимые компоненты логограмм. Это единицы, не данные нам в непосредственном наблюдении [Готлиб, 2013]. При этом большинство морфограмм являются дискретными по своей структуре. В этой связи возникает вопрос об уровне установления простейших элементов структуры идеографической письменности и, как следствие, необходимости выделения предельных единиц на более глубинном уровне, а также возможностях решения данного вопроса на основе монадно-модусного подхода к моделированию. Выделение минимальных значимых недискретных единиц идеографического письма не являлось специальным объектом исследования китайских и отечественных грамматологов, внимание в основном уделялось определению семиотической и структурной классификации [Шер, 1968; 苏培, 1994; Кондрашевский, 1999, Готлиб, 2006 и др.].

Актуальность исследования, таким образом, определяется важностью разработки проблемы выделения конститутивных единиц письменности языка в лингвосемиотическом аспекте с учетом идиоэтнического типа письма, и, в частности, необходимостью определения простейших знаков, с помощью которых через определенные правила (модусы) конституируются семантически однородные единицы в языках с идеографическим типом письменности. Актуальным также является выявление конститутивных единиц языка с учетом исторического эволюционного аспекта их установления в языке с идеографическим типом письма.

Объектом настоящего исследования являются письменные языковые знаки идеографической письменности в их эволюции.

Предметом исследования выступают лингвосемиотические характеристики данных единиц с точки зрения типа их структуры, семантики и порождающего потенциала в языках с идеографическим типом письменности.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении лингвосемиотических характеристик минимальных значимых структурных единиц письменности языка и их порождающего потенциала в языках с идеографическим типом письменности.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

1) произвести анализ теоретических подходов к проблеме выделения базовых исходных семиотических сущностей в языковом знаке для

определения теоретических оснований исследования лингвосемиотики знаков идеографического письма;

2) уточнить основные языковые единицы идеографического письма и показать возможности их разложимости в аспекте семиотической соотнесенности с конституирующим глубинным уровнем;

3) ввести и теоретически обосновать понятие «графомонада» и выявить его основные характеристики;

4) выявить эволюционный семиотический статус предельных конститутивных единиц – графомонад;

5) установить статус понятия «модус» применительно к идеографическому письму;

6) произвести моделирование с опорой на понятия «монада» и «модус» и показать конститутивный и порождающий потенциал графомонады как компонента системы идеографического письма;

7) показать потенциал формализованного выражения монадно-модусной модели в лингвосемиотике идеографического письма.

Методы исследования. Исследование осуществляется с опорой на семиотический подход к анализу языка, принцип историзма и основные положения грамматиологии.

Используется комплексная методика анализа, включающая общенаучные методы анализа и синтеза, описание, классификацию, а также метод компонентного анализа, семного анализа, структурно-семантического анализа, методы анализа словарных дефиниций, контекстуального и интерпретативного анализа. Особая значимость придается методу моделирования для целей обобщения полученных результатов и схематизации монадно-модусного представления грамматиологии знаковой системы языка с идеографическим типом письменности.

Материалом для исследования послужил корпус языковых знаков древнекитайского словаря «Шо вэнь цзе цзы» в количестве около 10000 знаков, а также другие лексикографические источники по грамматиологии китайской письменности.

Теоретической основой исследования послужили: работы по лингвосемиотике и положения о системе и структуре языка (Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, В. Скаличка, В. М. Солнцев); положения по грамматиологии идеографического письма (Су Пэйчэн 苏培成, Дун Ляньчи 董连池, Цзоу Сяоли 邹晓丽, Ж. Деррида, И. Д. Гельб, Л. Р. Зиндер, О. М. Готлиб); положения трудов, имеющих лингвофилософский характер (Р. Декарт, Дж. Локк, Г. Лейбниц); положения логико-универсалистского подхода к языку (Б. Дакийский, Т. Эрфуртский, К. Лансло и Н. Арно, А. Сеше); работы по теории «врожденных идей» и «семантических примитивов» (Дж. Брунер, А. Вежбицкая, Н. Хомский, Дж. Р. Серл, Ю. Д. Апресян и др); работы по философии и логике Китая (И. А. Торчинов, А. И. Кобзев, М. Е. Еремеев).

Научная новизна диссертации состоит в том, что в исследовании впервые предпринята попытка установления лингвосемиотики письменных

иероглифических знаков на основе обоснования существования единицы идеографической письменности – графомонады. В ходе исследования выявляются графомонады как предельные значимые единицы идеографической письменности; определяется статус порожденных ими знаков и на данной основе устанавливаются сущностные характеристики структуры языка с идеографическим типом письма в монадно-модусной модели представления.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Семиотический подход к языку, представляющий методологическую и инструментальную базу лингвистики, позволяет установить, что языковой знак как единица конституируется на уровне соотношения целостного плана выражения (внешней формы знака) и ненаблюдаемого, но моделируемого плана содержания ментального, глубинного уровня, экстраполирующего и репрезентирующего в обобщенном виде наиболее сущностные предельные смыслы, отражающие опыт познания. Данное положение, обоснованное в рамках семиотического подхода к языку, прослеживается в универалистской традиции в языкознании, порождающих моделях языка и направлениях современной лингвистики.

2. В языках с идеографическим типом письменности знаки-единицы моделируются на уровне соотношения внешней формы знаков и предельных глубинных смыслов, которые возводятся в древнейшим знакам языка. Данные знаки-носители предельных смыслов представлены в древнейших лексикографических источниках письменности китайского языка.

3. Моделируемая единица системы письменных иероглифических знаков определяется как графомонада. Термин «графомонада» отражает грамматологический статус минимальной значимой единицы структуры письменности языка с идеографическим типом письма и указывает на ее семантическую порождающую значимость для иерархического упорядочения лексики языка в эволюционном плане.

4. Посредством определенных правил (модусов) графомонада проявляет структурный потенциал порождать деривационные цепочки в лексике языка с идеографическим типом письменности, придавая характер монадно-модусной модели данной системе.

5. В языках с идеографическим типом письменности на основе ограниченного количества графомонад посредством модусов порождается неограниченное количество иероглифических знаков.

6. Лингвосемиотика знаков идеографического типа письма, устанавливаемая на основе моделирования исходной единицы, позволяет представить структуру языка с точки зрения ее деривационной когерентности и правил порождения новых знаков.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в её вкладе в общее языкознание, семиотику, лексикологию в направлении дальнейшего решения актуальных проблем взаимодействия языка и мышления, развития системного подхода к языку и лексической системе путём разработки проблем способов семиотизации опыта познания, выделения конститутивных единиц структуры письменности языка с идеографическим типом письма; в построении

теоретической модели грамматиологии в монадно-модусном способе представления.

Практическая ценность диссертации состоит в возможности применения ее основных положений и результатов в курсах общего языкознания, семиотики, лексикологии, в теоретических курсах по актуальным проблемам восточного языкознания, теории грамматиологии, в научно-исследовательской работе аспирантов, а также бакалавров и магистров при написании курсовых и дипломных проектов.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались в 2016 г. на заседании кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института иностранных языков, филологии, и медиакоммуникаций Иркутского государственного университета. По теме диссертации были сделаны доклады: на конференциях, проводимых в рамках Недели науки (Иркутск, 2009, 2012), международной научно-практической конференции «Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение» (Иркутск, сентябрь 2014), международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: Диалог языков и культур» (Иркутск, май 2016). Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях общим объемом 2.1 п. л., четыре из которых размещены в ведущих научных рецензируемых изданиях: «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета», «Вестник Евразийского лингвистического института Московского государственного лингвистического университета», «Филологические науки. Вопросы теории и практики».

Структура работы определяется ее целью и задачами и отражает основные этапы исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего 129 наименований, в том числе 27 на иностранном языке. Общий объем работы составляет 169 страниц печатного текста.

Во *введении* определяется общее направление исследования, его цель, задачи, объект, методы исследования, обосновывается актуальность, указывается научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Теоретические основания исследования лингвосемиотики» выявляются основные подходы к описанию и выделению глубинных предельных сущностей; уточняются основные характеристики письма как базового объекта грамматиологии.

Во *второй главе* «Параметры выделения и систематизация предельных конститутивных единиц идеографического письма» осуществляется анализ основных единиц идеографического письма; в качестве предельной конститутивной единицы устанавливается графомонада, обосновывается ее статус и основные характеристики; производится грамматиологический анализ выделенных знаков.

В *третьей главе* «Лингвосемиотическое моделирование знаков идеографического письма» определяется статус понятия «модус» применительно к идеографическому письму; структурируется порождающая

модель «графомонада – модус» и, на этой основе, устанавливается деривационная когерентность лексической системы языка с идеографическим типом письменности.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного исследования и определяются перспективы дальнейшей работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Лингвосемиотика является фундаментальной инструментальной базой для исследования языка как феномена в целом и для рассмотрения конкретных языков, в частности. Лингвосемиотический подход к исследованию языка как естественной этнокультурной семиотики позволяет рассматривать единицы языка с точки зрения таких сущностных понятий, как системность и структурность в их взаимообусловленности, составляя методологическую основу для изучения системно-структурных связей языковых единиц и их характеристик. Единицы языка включают в себя все свойства языка, иначе говоря, обладают системообразующими свойствами. Отсюда, поэтому, правомерным следует считать утверждение о том, что рассмотрение структуры языка позволяет выявить сущностные системообразующие признаки семиотических единиц на глубинном ненаблюдаемом уровне – уровне целостности языка. При этом данное утверждение релевантно как по отношению к феномену языка, так и по отношению к отдельным конкретным языкам, в том числе к языкам с таким способом означивания и обозначения, который материализуется знаками идеографического письма.

Знак как единица языка является исходной сущностью лингвосемиотики. Семиотика исходит из постулата о единстве плана содержания и плана выражения с учётом сложности и неоднозначности данного сопряжения, опредмеченного во внешней форме знака. Асимметричность языкового знака [Карцевский, цит. по Звегинцев, 1965, Скаличка, 1967] является свойством самого знака, состоящего в несовпадении плана выражения и плана содержания; анализ внешней формы знака, поэтому не позволяет в полной мере выявить компоненты плана содержания.

Данный вопрос решался в русле различных подходов к выделению элементов плана содержания. В рамках анализа, направленного на выявление исходных элементов смысла, «минимальной языковой единицей, обладающей значением», признается сема [Скаличка, 1967, с. 122]. Она не может быть разделена на меньшие значащие части. Сема соотносится с морфемой, хотя не обязательно совпадает с ней: одной морфеме может соответствовать несколько сем. По мнению В. Скалички, корневые морфемы имеют одну сему, тогда как у грамматических морфем может быть несколько сем. Дальнейшим этапом развития семного анализа является компонентный анализ, посредством которого происходит разложение значения на минимальные семантические составляющие.

В работах основателя глоссематики Л. Ельмслева знак представляет собой единицу, которая конституируется в соотношениях глубинного, ненаблюдаемого плана содержания и внешней формы знака. В концепции учёного утверждается, что в выраженном знаке можно выявить элементы плана

содержания, не нашедшие экспликации в его внешней форме. В то же время, значение эксплицированных во внешней форме знака компонентов, составляющих его семантему, не равнозначно более полному плану содержания, который существует на глубинном системном уровне построения знаков.

Важным методом выявления первичных элементов плана содержания является релевантный для идеографического письма грамматологический анализ. В связи с тем, что данный вид анализа позволяет описать процесс означивания и формирования идеографических знаков, он относится к лингвосемиотическому по своей методологии. В рамках грамматологии выявляется эволюционно-семиотический статус идеографических знаков, прослеживается появление или исчезновение тех или иных смыслов, изначально присутствующих в идеографике. Выявление плана содержания устанавливается на глубинном, выводном уровне по отношению к графической форме, вариативно представленной в различные исторические периоды.

Проблема познаваемости людьми окружающего мира на протяжении длительного времени была связана с определением первоначал, формирующих основы картины мира человека. Особую значимость приобретает видение первоначал как «монады». Первоначально употребление термина «монада» в западной традиции относят к математике и философии [Евклид, 1950], [Аристотель, 2002], в которых принципом всех вещей признается «единичность», противопоставляемая диаде. В эпоху поздней схоластики и Возрождения монада предстает как структурная неразложимая далее единица бытия [Ковалева, 2003].

Идея существования исходных неделимых сущностей значима для восточной традиции и формирует все мировидение человека. В китайском мировоззрении особое внимание уделяется первоначалам как проявлению «макрокосмического» порядка, где все элементы эксплицитно дискретны, однако являются компонентами целого. В качестве первоначал, составляющих космогоническую структуру китайского мира, признается одна из основных категорий китайской философии – «ци», проявляющаяся в материальном мире как «пять элементов» (У-син), не противоречащих друг другу [Торчинов, 2007].

Вопрос о существовании предельных неделимых элементов, составляющих структуру мышления и являющихся универсальными по своей природе, был исследован в рамках логико-универсалистского и рационалистского подходов. Согласно рационалистам, разум есть определяющий источник всех мыслительных процессов человека. Картезианцы постулировали существование у человека врожденных идей, не требующих никакого разъяснения [Декарт, 1989].

Исследованию вопроса о существовании исходных единиц Бытия уделяется большое внимание в трудах Г. В. Лейбница. Ученым обосновывается необходимость выделения элементарных смыслов и возможного построения, таким образом, «алфавита человеческих мыслей», *lingua generalis*, – универсального языка, что послужило основой формирования воззрений Г. В. Лейбница о монаде [Лейбниц, 1982, с. 413]. При том, что термин «монада»

широко употреблялся в философском обосновании в «Монадологии» Г. В. Лейбница и последующих трудах, он не был использован в лингвистике в качестве инструмента рассмотрения фактов языка и его анализа. Однако более специальное осмысление данного понятия выявляет его эпистемический потенциал, определяя его возможности как плодотворной эпистемы, которая может быть использована для анализа языковых данных на неявном, глубинном уровне.

В русле универалистского подхода одним из первых, кто внес свой вклад в изучение недоказательных первоначал, были модисты. К таким исходным первоначалам ими были отнесены «способы обозначения», или модусы, определяющие все грамматические структуры языка [Перельмутер, 1991].

Наряду с универсальными грамматиками, «модус» в качестве базисного, присущего субстанции понятия, исследуется рационалистами [Декарт, 1989], [Локк, 1989] и др. Понятие «модус» является неотъемлемой частью характеристики субстанции как проявления ее сущности. Субстанция без модусов мыслима, а существование модусов без субстанции невозможно. Следовательно, потенциал основополагающих характеристик первоначальной субстанции, или монады, может быть выявлен только с помощью модусов. Таким образом, фундаментальные характеристики монады могут быть определены посредством соотношения монада-модус. Описание «монады» и «модуса» в качестве «недоказательных», но определяющих сущностей, оказывается особенно важным для рассмотрения явлений, коррелирующих с «первоначалами», заложенными в письменных знаках. В связи с этим значимым является определение их эпистемологического статуса в русле грамматологии как в плане их конститутивной значимости, так и в плане порождающего потенциала.

Вопросу о выявлении ядерных структур языка и их параметров было уделено большое внимание в фундаментальной для языкознания теории порождающей грамматики Н. Хомского, основным постулатом которой явилось положение о врожденной способности мозга порождать язык. Ученым признается ведущая роль врожденных схем в процессе усвоения языка. Возможность выделения поверхностных и глубинных структур, а также признание того, что конечное число грамматических правил позволяет порождать неограниченное количество выражений языка, дало возможность применить данную теорию к любому языку, показав универсальность когнитивных структур и механизмов языка. Объяснительный потенциал моделей, связанных с ядерными компонентами языка, дает возможность выявить глубинные принципы функционирования языка как системы. Данные модели подтверждают функционирование модусов, в связи с чем применение монадно-модусной модели для представления письменных знаков является целесообразным при моделировании процессов порождения новых лексических единиц на основе ядерных знаков (монад).

Обоснование существования универсальных представлений, формирующихся в процессах познания, тесно связано с вопросом соотношения языка и мышления, являвшихся объектом исследований в сфере философии

языка [Гумбольдт, 1984], [Уорф, 1960], [Потебня, 1993, с.], [Хомский, 1972], а также в когнитивной лингвистике. Наличие общих представлений языкового знания репрезентируется в ментальный лексикон. Ментальный лексикон образуется в процессе фиксации концептосферы языковыми знаками [Кубрякова, 1997].

В ходе изучения закономерностей речевой деятельности устанавливается существование универсально-предметного кода, который можно охарактеризовать некоторыми общими чертами [Жинкин, 1964, с. 35]. На основе данной теории правомерно утверждение о том, что исходные смыслы выражаются посредством предметно-изобразительной семиотики. Поскольку важнейшей характеристикой языков с идеографическим типом письменности является предметно-изобразительное мировидение, то правомерно утверждение о том, что графические примитивы для таких языков первичны и играют главенствующую роль.

Описание первичных элементов, к которым сводимы все остальные значения, в современной лингвистике относят к вопросу об установлении «семантических примитивов». Когнитивные примитивы соответствуют ментальным структурам сознания и эксплицируют группы смыслов [Брунер, 1990]. А. Вежбицкой обоснована важность создания Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ) и выявлен корпус семантических примитивов, достаточных для объяснения любых выражений всех исследуемых языков [Вежбицкая, 2011]. Выявленные примитивы в определенной степени постулируют существование в ментальных структурах сознания врожденных идей. Они отражают семантическую структуру языка и осуществляют, с точки зрения А. Вежбицкой, перевод с *lingua mentalis* (язык мысли) на *lingua vocalis* (звуковые языки).

Понятие «семантический примитив» является важнейшим для выявления универсальных единиц, составляющих систему языка и определения модели, с помощью которой отражается способ порождения всех знаков языка. В данной связи для вычленения такого рода «примитивов», предельных единиц – первоначал письменности языка, в языках с идеографическим типом письменности, являющейся объектом грамматики (в частности, китайском), представляется необходимым обращение к структурно-семантическому и грамматологическому анализу.

Вопрос о статусе письменности и письменных знаках многократно становился предметом описания лингвистов [Гумбольдт, 1985], [Соссюр, 1977], [Деррида, 2000], [Гельб, 1982, с. 22]. Различные взгляды на иероглифическое письмо подразумевают корреляцию данного понятия с концепцией знака. Вопрос произвольности и немотивированности языкового знака в большей степени может быть отнесен к фонетическим языкам. Знак в языках с идеографической письменностью представляется произвольным и мотивированным: специфика полностью мотивированного знака заключается в том, что знак базируется на внутренней необходимой ассоциации [Балли, 1955].

Пиктографический знак идеографики являет собой, прежде всего, письменный знак, фонетический компонент которого играет второстепенную

роль, что позволяет рассматривать его структурно и грамматологически, выделяя в нем дискретные элементы. Вопрос такого выделения не связан с рассмотрением графем как минимальных незначимых элементов знака, а также значимых элементов логограмм – сложных морфограмм, речь идет об обнаружении минимальных предельных единиц, не подлежащих дальнейшему разложению, образующих деривационные цепочки и принимающих участие в порождении сложных логограмм.

Выявление предельных значимых единиц языка (монад) в языках с идеографическим типом письма определяет необходимость установления модели, отражающей порождающий потенциал иероглифических знаков.

Существуют различные подходы к выделению основных единиц идеографического письма, в частности, китайской письменности. В связи с противоречивостью принятых терминов для выявления монад в иерархической системе структуры письменности языка, требуется уточнение терминологии принятых в синологии единиц и их классификации.

В современной китаистике выделяются следующие основные единицы китайской письменности, имеющие иерархическую структуру:

1. *Графема*, или *черта* - минимальный незначимый элемент структуры языка, обладающий смыслоразличительными функциями.
2. *Графема*, *морфограмма*, или *ключ* – базовая значимая единица китайской письменной системы, значимый компонент логограммы, выполняющий таксономическую функцию, а также служащий для поиска знаков в словаре.

Графемы и *морфограммы* не представлены в непосредственном наблюдении и относятся к имплицитно выделяемым единицам письменности.

3. *Логограмма*, 汉字, *ханьцзы* - базовая единица системы, детерминирующая характер китайского письма, коррелирует с морфемой или словом, является дискретной, значимой единицей и может образовывать синтагматические связи.

В трудах отечественных и китайских грамматологов [Готлиб, 2006], [Кондрашевский, 1999], [Шер, 1968], [Задоевко, Хуан Шуин, 1993], [苏培, 1994] и др. содержание представленных выше единиц трактуется с позиций как функционально-семантического, так и структурного подходов. Анализ моделей классификации китайских письменных знаков на основе таких терминов, как морфограмма, логограмма, 形素 xíngsù – формальная единица, 字根 zì gēn – корень, 字元 zì yuán – основа, 字素 zìsù – морфема, 偏旁 piānpáng и 声旁 shēngpáng – члены оппозиции «семантический определитель – фонетический определитель» и др. показал непоследовательность и противоречивость существующих терминов, в связи с чем в системно-грамматологическом аспекте целесообразно придерживаться термина «морфограмма» [Готлиб, 2006, с. 28], который наиболее точно отражает статус и характеристики данной единицы. Одним из важнейших свойств морфограмм является наличие валентности, что отражает способность порождать новые знаки; однако окказионально существуют и морфограммы с нулевой валентностью.

Выделяемые в современной синологии минимальные значимые единицы китайской письменности в большинстве своем являются сложными знаками по своей структуре, одной из важнейших функций которых является таксономическая функция. Малая часть простых недискретных морфограмм не каузирует существование единого основания для выявления минимальных элементов среди единиц этого уровня. Данного типа образования рассматриваются прежде всего как компоненты логограммы и выполняют таксономическую функцию.

В ряду классификаций китайских знаков большой объяснительной силой обладает семиотическая классификация, разработанная О. М. Готлибом. В рамках данной классификации, охватывающей все типы знаков, выделяются пиктограммы (иконические знаки, где связь между означаемым и означающим вполне очевидна и последовательна), идеограммы (индексальные знаки, связь между означаемым и означающим носит опосредованный, и вместе с тем последовательный характер), символюграммы (связь между означающим и означаемым немотивированна) [Готлиб, 2006]. Принимая во внимание тот факт, что пиктограммы есть первичные знаки в эволюции системы китайской письменности, делаем вывод, что именно они могут быть подвержены дальнейшему анализу для выявления предельных единиц структуры письменности языка.

Анализ семантических примитивов-лексем в количестве тридцати шести знаков, которые претендуют на универсальность для всех языков мира, включая языки с идеографической письменностью, показывает, что семантическая неделимость в *lingua mentalis* оправдана применительно к фонетическим языкам, но не по отношению к структуре китайских знаков, поскольку абсолютное большинство логограмм семантически неоднородны и представляют собой репрезентацию сложных знаков идеографического письма.

Данное положение связано с особым статусом письменного знака в идеографическом письме и, как следствие, обуславливает необходимость применения грамматологического подхода, который дает возможность установить, в определенной степени приближенности, процесс формирования декартовских «врожденных идей», появление и эволюцию глубинных смыслов, закрепленных за знаком.

Универсализм форм мышления предполагает единые когнитивные смыслы у каждого носителя языка, однако отражение их, например, в языках с идеографической письменностью, может быть рассмотрено не с помощью сокращения языка-объекта до мини-языка, а с точки зрения уже существующих имплицитно знаков идеографической письменности, выявляемых на основе этимологического анализа.

Таким образом, данные теоретические основания в их совокупности позволяют выделить монады как наименьшие значимые единицы письменности языка, по своему иерархическому статусу занимающие промежуточное положение между не имеющей значения, но выполняющей смыслообразительную роль *графемой (чертой)*, и *морфограммой*. Данные

монады, учитывая идиоэтнический фактор идеографического письма, являются *графомонадами*.

С целью выделения таких семантически однородных минимальных элементов идеографической письменности было рассмотрено около 10000 знаков китайского языка, большая часть которых представлена в словаре Сюй Шэня 许慎 xǔ shèn «Шо вэнь цзе цзы» (说文解字 shuō wén jiě zì) («Объяснение простых и толкование сложных знаков»). Данный словарь обобщил наиболее известные достижения китайских филологов того времени в области этимологии. Знаки, выявленные на основе словаря, послужили основой корпуса выделенных графомонад.

Выделение минимальных знаков-элементов требует рассмотрения прежде всего пласта лексики «вэнь» 文 wén, включающего в себя простые морфограммы и логограммы. С точки зрения Сюй Шэня, простые знаки «вэнь» в основном являются пиктограммами, следовательно, их употребление в качестве пиктограмм очень ограничено. [王远新, 2006] Количество таких знаков невелико.

В связи с необходимостью обращения к этимологическому источнику каждого знака, первый этап рассмотрения включал в себя рассмотрение гиперонимов знаков словаря на основе использования отсылки Сюй Шэня. Результатом данного анализа явилось выявление у простых знаков «вэнь» 文 wén, или «ключей» 部首 bùshǒu, сложной и простой структуры. Знаки со сложной структурой были, в свою очередь, разложены до минимальных семантических компонентов. Так, например, знак 土 tǔ земля состоит из двух неделимых далее графомонад «горизонтальная черта» и «вертикальная черта» и т.д.

В целом было выделено сорок две графомонады. Все знаки являются пиктограммами и морфограммами (часть из них – простые логограммы):

1. Графомонады, связанные с изображением человека и частей его тела: 人 rén человек, 又 yòu рука, 耳 ěr ухо, 口 kǒu рот, 目 mù глаз, 心 xīn сердце, 自 zì нос, 牙 yá зуб, 止 zhǐ ступня;

2. Графомонады, связанные с изображением животных или их шерсти: 牛 niú корова, 羊 yáng баран, 鼠 shǔ мышь, 象 xiàng слон, 马 mǎ лошадь, 鹿 lù олень, 兔 tù заяц, 鱼 yú рыба, 龟 guī черепаха, 鸟 niǎo птица, 虫 chóng червяк, 毛 máo шерсть;

3. Графомонады, связанные с изображением элементов устройства мира: 一 yī один, начало, | gǔn палка, 火 huǒ огонь, 冫 kuài вода, 气 qì воздух;

4. Графомонады, связанные с изображением окружающей природы: 屮 chè трава, 月 yuè месяц, 日 rì солнце, 竹 zhú бамбук, 贝 bèi раковина, 厂 chǎng обрыв, 山 shān гора;

5. Графомонады, связанные с изображением вещей, предметов, часть которых используется человеком для тех или иных нужд: 几 jǐ столик, 臼 jiù

ступка, 舟 zhōu лодка, 囱 cōng дымоход, 瓦 wǎ черепица, 车 chē повозка, 皿 mǐn посуда, 刀 dāo нож;

6. Графомонады, связанные с изображением пищи человека: 肉 ròu мясо.

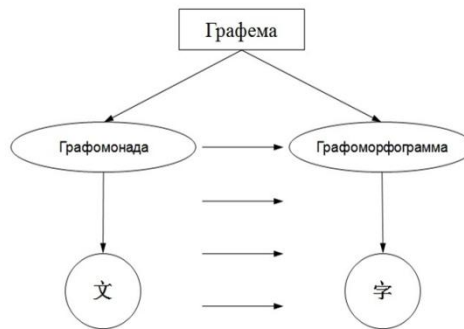
Рассмотрение данных графомонад в грамматолого-семантическом аспекте показывает, что, в отличие от логограмм и большинства морфограмм, состоящих из двух или более компонентов, графомонады, с точки зрения их структуры и семантики, являются неделимыми знаками.

Некоторая часть вышеперечисленных знаков отражает конкретные явления и предметы окружающего мира, а также самого человека (и частей его тела), определяющие мировоззрение древних китайцев, не означивая отношения между этими вещами. Такие знаки не образуют деривацию, они порождают новые знаки путем простого сложения морфограмм, иначе говоря, это знаки с нулевым деривационным потенциалом.

Другая часть вышеперечисленных монад имеет потенциальную возможность образовывать дериваты путем выделения того или иного семантического признака и изменения всей графической оболочки знака, другими словами, обладает потенциальной валентностью. Данные знаки являются подлинными графомонадами и порождают огромное количество новых знаков, формирующих множество графических единиц китайского языка.

Такого рода знаки возможно соположить с глубинными структурами модели порождающей грамматики, или, в трактовке А. Вежбицкой, с семантическими примитивами лишь до некоторой степени в связи с тем, что за основу в данном случае принимается пиктографичность онтологически существующих знаков словаря.

Графомонады, являясь первичными когнитивными единицами письменности идеографического письма, материальны и пиктографичны. Данные глубинные неделимые далее смыслы образуют простые знаки 文 wén «вэнь» и через них порождают сложные знаки 字 zì. Графомонады также могут порождать дискретные морфограммы, или графоморфограммы (учитывая их графический аспект). Недискретные морфограммы, такие, как 屮 chè «трава», 丨 gǔn «палка», 冫 kuài «вода» представляют собой значимые элементы логограммы (не могут самостоятельно употребляться в языке), являясь в то же время и графомонадами. В данном утверждении отсутствует противоречие, так как в китайском языке «некоторые менее сложные единицы могут выступать как окказиональный случай функционирования более сложной единицы, но... в каждом случае это будут разные единицы по своей иерархической отнесенности, функциям и характеру» [Готлиб, 2006, с. 24]. Графоморфограммы, в свою очередь, образуют новые знаки 字 zì, являющиеся сложными по своей структуре и соотносящиеся с логограммами.

Таким образом, графомонада определяется в данных параметрах как *когнитивная минимальная значимая недискретная единица письменности языка, характеризующаяся модусной валентностью, порождающая множество других знаков, а также занимающая определенную позицию в иерархии единиц китайской письменной системы.*

Базовыми критериями выделения графомонад являются:

1. Первичность. Графомонады являются древнейшими в эволюционном плане первичными знаками.
2. Недискретность. Графомонады семантически однородны и неделимы.
3. Пиктографичность. Все графомонады являются пиктограммами.
4. Семантическая родовитость, высокая степень порождающего потенциала. Графомонады способны породить новые знаки языка.

Таким образом, графомонада как единица письменности языка содержит в себе два аспекта: с одной стороны, она является первичной и неделимой значимой пиктограммой, с другой стороны, она обладает потенциалом породить множество новых лексем. Данный потенциал состоит в том, что ограниченное количество графомонад порождает большое количество иероглифических знаков.

Возникновение определенных графомонад как недискретных простых знаков отражает картину мира древних китайцев в её связи с миропониманием китайского народа, и представляет собой обозначение фундаментальных элементов бытия.

Эволюционно-семиотический статус графомонад рассматривается дифференцированно по отношению к графомонадам, обладающим валентностью, и графомонадам с нулевой валентностью.

Выделенные графомонады являют собой некий базовый пласт, подтверждающий примат примитивов для идеографического письма. Можно предположить, что знаки-графомонады китайского языка являются «стабильной» частью для всех языков с идеографической письменностью, то есть универсальны и являются строительным материалом для других идеографических знаков. В этой связи целесообразным представляется соположить графомонады с иными универсальными примитивами, например,

лексемами списка М. Сводеша (стословник, составленный для китайского языка, включающий в себя базовые лексемы языка), а также примитивами А. Вежбицкой с целью выявления в них общих лексических категорий.

Сопоставление данных списков показало, что лексические категории графомонад и стословника основных лексем в основном идентичны: отдельные единицы предназначены для означивания человека и основных частей тела, а также явлений окружающего мира. В целом, со списком совпадает четырнадцать графомонад: «ухо», «рот», «глаз», «нос», «зуб», «ступня», «рука», «сердце», «рыба», «птица», «шерсть», «мясо», «один», «травя». Несмотря на то, что стословник для китайского языка более расширен и детализирован, в нем отсутствуют отдельные предметы человеческого обихода. Выделенные нами графомонады есть древнейшие в эволюционном плане значимые единицы, их номинация априори отлична от устного языка, поэтому совпадение четырнадцати лексем в этом случае является достаточно большим.

Графомонада «человек» совпадает лишь с одним примитивом А. Вежбицкой «люди». Это связано с тем, что примитивы в ЕСМ обладают высоким уровнем абстракции.

Выявленные графомонады выступают в качестве исходных знаков для множества знаков, ими порожденных, они могут являться примитивами как для простых, так и для сложных знаков идеографического письма. Такие знаки порождаются посредством определенных правил (модусов). Модусы являются тем «способом обозначения», с помощью которого графомонада эволюционирует и формирует деривационные цепочки.

«Способы обозначения» индивидуальны для каждого знака: некоторые дериваты образуются посредством добавления дополнительной значимой черты, выделяя ту или иную коннотацию, другие эволюционируют с помощью редукции, в третьих происходит коммутация нескольких элементов.

В функционировании монадно-модусной модели представления, детерминирующей отношения графомонады и ее дериватов, раскрывается семиотический потенциал графомонады. Описание иероглифических знаков, входящих в монадно-модусные модели когнитивных графомонад, включающих в себя их редуцированные варианты, знаки-простые дериваты, а также пиктограммы, показало, что дериваты графомонад являются сложными знаками, но в современном языке воспринимаются как простые. Монадно-модусная модель эксплицирует фундаментальные характеристики грамматики, проявляет универсальный характер и применима к анализу структуры языка с идеографическим типом письменности.

В монадно-модусную модель входят как графомонады с нулевой валентностью, так и графомонады, обладающие порождающим потенциалом. Первые обладают способностью порождать новые лексемы посредством добавления к ним морфограмм или логограмм, не изменяя свою структуру и не формируя дериваты графомонад, в связи с чем монадно-модусная модель общего типа производится как *графомонада – знак N*.

Десять из сорока двух графомонад, помимо возможности формировать лексемы посредством сложения, обладают потенциальной валентностью

порождать новые знаки с помощью изменения исходной графомонады, не выходя за рамки простого знака. Всего выделено десять 10 таких графомонад: 人 rén человек, 又 yòu рука, 口 kǒu рот, 止 zhǐ ступня, 牛 niú корова, 羊 yáng баран, 鸟 niǎo птица, 火 huǒ огонь, 屮 chè трава, 冫 kuài вода. Применительно к данным лексемам были описаны варианты монадно-модусной модели, связанные с валентностью каждой из графомонад. Часть графомонад формируют двойную этимологическую цепочку, когда знак 1 формирует знак 2, а знак 2, в свою очередь, формирует знак 3 и т. д. Такие цепочки позволяют проследить этапы грамматологической деривации знака.

В деривационном плане выделяются *дериваты первого, второго и третьего порядка*. К *дериватам первого порядка* относятся знаки-морфограммы, являющиеся вариантами основной графомонады с полным сохранением ее семантики. К *дериватам второго порядка* следует причислить знаки-пиктограммы, модификация которых происходит в рамках простого знака. К *дериватам третьего порядка* относятся сложные знаки, образованные по типу присоединения к графомонаде морфограммы (логограммы) без деривации самой монады.

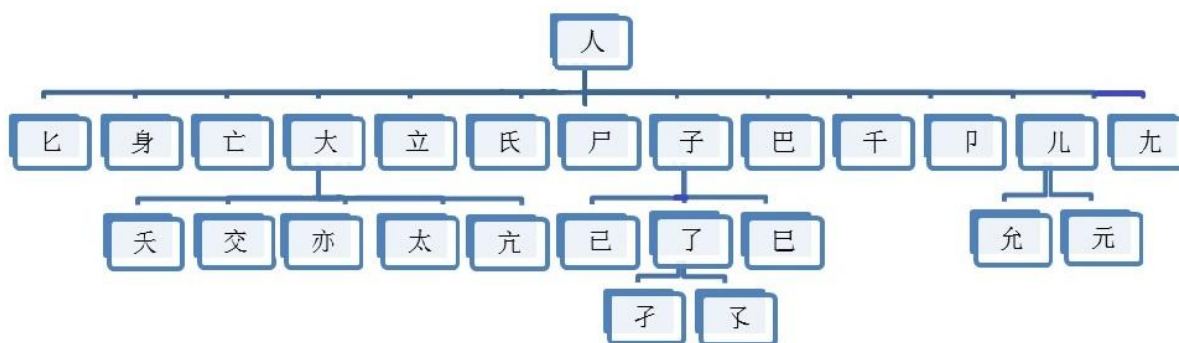
Варианты модели для всех когнитивных монад, образующих деривацию, поддаются описанию. Графомонады детерминируют появление графо-семантических полей большого количества знаков, представляющих собой логограммы. Ограниченное количество графомонад посредством модусов порождает большое число иероглифических знаков.

В лингвосемиотике идеографического письма монадно-модусная модель с графомонадой «человек» представлена четырьмя вариантами:

1. Первая деривационная цепочка графомонады 人 rén «человек» описывает лишь один дериват первого порядка, являющийся редуцированным вариантом самой графомонады. Дериват 亅 восходит к знаку «человек», полностью сохраняет его семантику, не внося дополнительные коннотации.

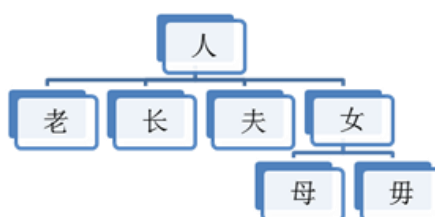
2. Второй вариант монадно-модусной модели для графомонады «человек» включает в себя 25 дериватов, модификация которых не выходит за рамки простых знаков.

3. Третий вариант монадно-модусной модели с данной графомонадой представлен пиктограммами, в архаичном смысле являющимися поликомпонентными 字 zì «цзы», которые, однако, эволюционируют и воспринимаются в современном языке как простые 文 wén «вэнь».

4. Деривационная цепочка на следующей схеме эксплицирует вариант для графомонады «человек», выделяющий гендерный аспект, включающий в себя знаки со значениями «мужчина» и «женщина».

Монадно-модусная модель с графомонадой «рука» представлена двумя вариантами:

1. Графомонада «рука» отражает дериват, являющийся вариантом знака «рука», не употребляющийся самостоятельно.

2. Монадно-модусная модель для графомонады 又 yòu «рука» представлена также следующими знаками: 手 shǒu – «рука» и 扌 gǒng – «скрещенные руки».

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «рот» в рамках простого знака представлен лишь одной морфограммой.

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «ступня» отражен одной лексемой, являющейся простым знаком.

В монадно-модусной модели с графомонадой «огонь» выделено два варианта деривационных цепочек:

1. Первый вариант представляет собой одну морфограмму-дериват '𤇀', не имеющую собственного чтения, которая образуется с помощью редукции графомонады 火 huǒ.

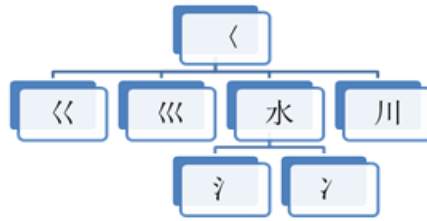
2. Еще одна деривационная цепочка модели выражена двумя знаками: дериватами 光 guāng – «свет» и 炎 yán – «пламя».

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «трава» представляет собой деривационную цепочку порожденных ею шести знаков, включающих в себя сему «трава».

Графомонада «вода» образует монадно-модусную модель посредством порождения дериватов со значениями «вода», «водный поток».

Монадно-модусная модель для графомонад с графомонадой «корова» также состоит из двух вариантов:

1. Первый вариант модели включает в себя один дериват, который является вариантом самой графомонады «корова» и полностью сохраняет ее семантику.

2. Деривация знака «корова» в рамках простого знака представлена дериватом «рог».

Монадно-модусная модель для графомонады «баран» состоит лишь из редуцированных вариантов самого знака 羊 yáng «баран».

В варианте монадно-модусной модели для графомонады «птица» выделяются два деривата с семьей «птица».

Исходя из того, что ограниченное число графомонад порождает графо-семантические поля большого количества знаков, существует возможность формализованного представления монадно-модусной модели. Отношения в

рамках данной модели могут быть оформлены в виде записи математических символов, отражающих зависимость входящих в модель элементов.

В связи с этим можно выделить следующие основные положения для входных данных:

1. Графомонада ступенчато производит потенциально большое количество дериватов и является исходным для них знаком.
2. Модусы оказывают определенное влияние на графомонады, образуя деривационную цепочку знаков. При этом они не являются универсальными, вариативны и не имеют четких границ.
3. Путем воздействия модуса на графомонаду образуются новые знаки, деривация которых не выходит за рамки самого знака.

Таким образом, данная зависимость дает основание для представления модели в виде символьной записи.

$$f(\text{Mon}_n \text{Mod}_m) = D_k$$

В представленной формуле в функцию входит две переменных: монада и модус, где

Mon – монада

Mod - модус

n - номер монады

m - порядковый номер модуса

D – дериват

k – порядковый номер деривата

Данная формула актуальна лишь для графомонад с высокой валентностью, порождающих дериваты первого и второго порядков, так как их модификация происходит внутри исходной графомонады.

Например, графомонада №3 «рот» видоизменяется и порождает новый дериват \sqcup kǎn, в котором редуцируется элемент исходного знака. Так, с помощью модуса редукции происходит формирование нового знака. Графомонада №9 \uparrow chè «трава» порождает один из дериватов 木 mù «дерево» посредством модуса изменения, где изначальное изображение ростка становится пиктографическим изображением дерева, обладающего характеристиками исходного знака, однако вносящим в него новые атрибуты.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что лингвосемиотика языков с идеографическим типом письма раскрывается в монадно-модусной модели представления. В основе модели лежат исходные данные – графомонады, с помощью определенных правил, или модусов, порождающие новые знаки, что позволяет описать варианты монадно-модусной модели для каждой из графомонад с высокой валентностью. Графомонады с нулевой деривацией внутри самого знака порождают новые лексемы без изменения внутренней структуры знака. Таким образом, бесконечное число модусов

сводимо к конечному числу графомонад, что позволяет выявить семиотический потенциал идеографической письменности.

В языках с идеографическим типом письменности знаки-единицы моделируются на уровне соотношения внешней формы знаков и предельных глубинных смыслов, которые возводятся к древнейшим знакам языка. Применение метода моделирования и репрезентация монадно-модусной модели необходимы для представления грамматики языков с идеографическим типом письма и выявления их сущностных характеристик с точки зрения ее деривационной когерентности и модусов как правил порождения новых знаков. В этом проявляется семиотический потенциал идеографической письменности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи в ведущих российских периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Шаравьева, И.В. О некоторых типах организации китайских графомонад в идеографическом знаке [Текст] / И. В. Шаравьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №11(65). Часть 2. – Тамбов, «Грамота». – С. 167-170 (0,3 п.л.).

2. Шаравьева, И. В. Монадно-модусная модель как способ представления китайской письменности [Электронный ресурс] / И. В. Шаравьева // Вестник МГЛУ. Языкознание и литературоведение. – 2015. – Вып. 10 (721). Исследования литературы и художественного дискурса. – С. 101-108. – Режим доступа: <http://vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-721z.pdf> (0,5 п.л.).

3. Шаравьева, И. В. Монадно-модусный подход как способ образования китайских письменных знаков [Текст] / И. В. Шаравьева // Вестник ИГЛУ №4(21). – Иркутск, 2012. – С. 151-155 (0,3 п.л.).

4. Шаравьева, И. В. Опыт этимолого-грамматологического анализа знака «人» и некоторых его производных [Текст] / И. В. Шаравьева // Вестник ИГЛУ №4(8). – Иркутск, 2009. – С. 42-47 (0,4 п.л.).

Публикации в журналах, сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

5. Готлиб, О. М., Шаравьева, И. В. Об основных грамматологических единицах китайской системы письменности [Текст] / О. М. Готлиб, И. В. Шаравьева // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: тезисы докладов XX международной научно-практической конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – Москва: ИДВ РАН, 2013. – С. 451-452 (0,1 п.л.).

6. Шаравьева, И. В. Идея монадности и базовые элементы идеографической письменности [Электронный ресурс] / И. В. Шаравьева // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011. – №4(12). – Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_sharaveva_i.0.pdf (0,4 п.л.)

7. Шаравьева, И. В. Анализ производных знаков с семей "человек" (на примере знаков идеографического словаря Сюй Шэня "Шо вэнь цзе цзы")

[Текст] / И. В. Шаравьёва // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых. – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С. 183-184 (0,1 п.л.).